

АРЕСТ И СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД КАРДИНАЛОМ ЙОЖЕФОМ МИНДСЕНТИ В 1948–1949 ГГ. ЧАСТЬ 2. «САМЫЙ ЖАЛКИЙ УЗНИК СТРАНЫ»*

Маргит Балог —

доктор Венгерской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт истории
Центра гуманитарных исследований
Почтовый адрес: Тот Калман у., 4,
Будапешт, 1097, Венгрия
Электронный адрес: balogh.margit@btk.mta.hu

Аннотация

В результате политической борьбы, развернувшейся в Венгрии после Второй мировой войны, единственным независимым институтом в стране оставалась Римско-католическая церковь во главе с Эстергомским архиепископом кардиналом Йожефом Миндсенти. В первой части статьи было реконструировано следствие по делу примаса, арестованного по обвинению в государственной измене, подготовке переворота, направленного на свержение республиканского строя, шпионаже и валютных спекуляциях. Во второй части статьи речь идет о политическом процессе и показательном суде над Миндсенти. Заседания начались 3 февраля 1949 г. в Будапештском народном суде, а 8 февраля был оглашен обвинительный приговор. Факты в нем были подтасованы так, что надежды на изменение политического строя в стране квалифицировались как политический заговор. Йожефа Миндсенти приговорили к пожизненному заключению, лишению гражданских прав и полной конфискации имущества. Готовясь к суду второй инстанции, Миндсенти выдвигал всё новые проекты, направленные на примирение государства и Церкви. Полные глубокого разочарования письма он подписывал «осужденный», «узник», «осужденный архиепископ». Показательный процесс и долгое тюремное заточение только укрепили кардинала в вере. Статья основана на документах из фондов Венгерского национального архива, Исторического архива венгерских спецслужб, Архива примаса (Эстергом), Архива внешней политики Российской Федерации, Национального управления архивов и документации (США) и др.

Ключевые слова

Арест венгерского кардинала, заговор, мученичество, народный суд, политические партии в Венгрии, политическая полиция, Римско-католическая церковь в Венгрии, показательный процесс, кардинал Йожеф Миндсенти, Святой престол

Статья поступила в редакцию 10 октября 2020 г.

Цитирование: *Балог М.* Арест и судебный процесс над кардиналом Йожефом Миндсенти в 1948–1949 гг. Часть 2. «Самый жалкий узник страны» // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2020. Т. 15. № 3–4. С. 53–68.

* Часть 1 см.: *Балог М.* Арест и судебный процесс над кардиналом Йожефом Миндсенти в 1948–1949 гг. Часть 1. «Он хочет стать мучеником, но я не окажу ему этой любезности» // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2020. Т. 15. № 1–2. С. 73–88.

ARREST AND CONVICTION OF CARDINAL JÓZSEF MINDSZENTY 1948–1949. PART 2. “MOST PITIFUL PRISONER OF THE COUNTRY”

Margit Balogh,

Doctor of the HAS,
Chief Leading Researcher,
Institute of History,
Centre for the Humanities
Postal address: Tóth Kálmán u., 4,
Budapest 1097 Hungary
E-mail: balogh.margit@btk.mta.hu

Abstract

As a result of the political struggle that unfolded in Hungary after the Second World War, the only independent institution remaining in the country was the Catholic Church headed by the Archbishop of Esztergom, Cardinal József Mindszenty. Part One of the article reconstructs the investigation and political process against the primate, who was arrested on charges of high treason, preparing a coup aimed at overthrowing the republican system, espionage, and currency speculation. Part Two deals with the political process and show trial of Mindszenty. The hearings began on 3 February 1949 at the Budapest People’s Court, and, on 8 February 1949, the guilty verdict was announced. The facts were so cleverly manipulated that Mindszenty’s hopes for a change in the political system in the country were qualified as a political conspiracy. The cardinal was sentenced to life imprisonment, deprivation of civil rights, and complete confiscation of property. While preparing for the court of second instance, Mindszenty put forward new projects aimed at reconciling the state and the Church. Deeply disappointed, the cardinal signed his letters “condemned”, “prisoner”, and “condemned archbishop”. The show-trial and long prison confinement only strengthened the cardinal’s faith. This article is based on documents held by the Hungarian National Archives, the Historical Archives of the State Security Services, the Esztergom Primate Archives, the Archives of Foreign Policy of the Russian Federation, the National Archives and Records Administration (USA), and others.

Keywords

Arrest of a Hungarian Cardinal, conspiracy, martyrdom, people’s court, political parties in Hungary, political police, Roman Catholic Church in Hungary, show trial, Cardinal József Mindszenty, judgment, Holy See

Received 10 October 2020.

How to cite: Balogh, M., 2020. Arest i sudebnyi protsess nad kardinalom Iozhefom Mindsenti v 1948–1949 gg. Chast’ 2. “Samyi zhalkii uznik strany” [Arrest and Conviction of Cardinal József Mindszenty 1948–1949. Part 2. “Most pitiful prisoner of the country”]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 53–68.

ПРОЦЕСС (3–8 ФЕВРАЛЯ 1949 Г.)

Решение о начале и окончании открытых слушаний приняла Венгерская партия трудящихся: «8-го ф[еврал]я оглашается приговор суда по делу Миндсенти. После приговора мы попросим отозвать Чапина. Одновременно через Министерство культов необходимо установить, кто станет во главе Католической церкви Венгрии»¹. То, что верхушка политической партии келейно решала вопросы, относящиеся к ходу судебного процесса, само по себе противоречит беспристрастности правосудия, но не менее показательна сама постановка вопроса: они не знали, что вплоть до нового решения папы (которое последовало только 5 февраля 1974 г.) с точки зрения канонического права Йозеф Миндсенти — независимо от того, осудит его светский суд или нет, — оставался Эстергомским архиепископом и главой епископской конференции Венгрии. С 26 декабря 1948 г. из-за чинимых препятствий он не мог исполнять эти функции (за исключением нескольких дней в 1956 г.). В этот период его обязанности временно исполнял второй в иерархии архиепископ.

Процесс начался 3 февраля 1949 г. в 9 ч. утра перед специальным советом Будапештского народного суда под председательством Вилмоша Олти (1914–2005), сторону обвинения представлял народный прокурор Дюла Алапи (1911–1982)². И тот и другой были многим обязаны режиму, и оба состояли в рядах тайных агентов политической полиции³. Народный суд действовал именно так, как от него ожидали. При выборе судей особое внимание уделялось тому, чтобы среди них не было ни иудеев, ни протестантов, только католики. В разгар подготовки к процессу никому не пришло в голову, что столь тщательно подобранная коллегия судей незаконна. Своих представителей делегировали Венгерская коммунистическая и Социал-демократическая партии, забыв о том, что в июне 1948 г. они объединились в Венгерскую партию трудящихся, которая могла делегировать одного-единственного члена.

Процесс проходил в тюрьме на ул. Марко. Территория вокруг была плотно оцеплена, и, хотя в здании в это время не было других судебных заседаний, порядок обеспечивали силами небольшой «армии»: ночью на постах оставались «только» 70 служащих госбезопасности, в течение дня их число возрастало до 250. Вход в зал преграждали вооруженные пистолетами полицейские. *Magyar Rádió* («Венгерское радио») освещало происходя-

¹ MNL OL. M-KS 276. f. 53/20. ő. e.; РГАСПИ. Центральный комитет ВКП(б). Отдел внешней политики. Ф. 17. Оп. 128. Д. 664. Л. 43. Стенограмма заседания ПК ВПТ 3 февраля 1949 г., п. 1 повестки дня: Устное сообщение М. Ракоши о деле Миндсенти.

² MNL OL. M-KS 276. f. 53/20. ő. e.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 664. Л. 43. Стенограмма заседания ПК ВПТ 3 февраля 1949 г.

³ Материалы, относящиеся к кругу лиц, привлеченных к участию в показательных судебных процессах (ÁVTL. 2.1. IX/62. p. 44).

щее в так называемых аудиозарисовках, первая из которых вышла в эфир 3 февраля в 21 ч. Фото- и киносъемка, а также магнитофонная запись были запрещены, на процессе работал один-единственный, «аккредитованный» Управлением государственной безопасности фотограф. В кабинете М. Ракоши установили динамик, подключенный к микрофону в зале. (В обеденный перерыв первый секретарь слышал жалобы присяжных, что на обед у них только два форинта. В конце концов судьи и прокуроры получили свои тридцать серебряников: им выплатили разовые надбавки в размере 1000 фт.)⁴

Делалось всё, чтобы убедить общественное мнение в стране и за границей в виновности Миндсенти. Началось с «основанной на фактах» «Желтой книги» (с документами судебного процесса) и обязательных пресс-конференций в посольствах, затем прозвучали многообещающие заявления, что иностранных корреспондентов допустят в зал суда и разрешат свободно вести репортажи. С началом процесса обещания скукожились, словно бальзаковская шагреновая кожа. На формально открытый процесс ни один иностранный журналист не получил обещанную аккредитацию; из сотен желающих в зал допустили 23 тщательно отобранных иностранных корреспондента. Под микроскопом рассматривали их биографии, партийные пристрастия, мировоззрение⁵.

Венгерская пресса направила освещать процесс 12 новостных агентств и 15 газет⁶. Во въезде было отказано представителям многих иностранных СМИ: венскому корреспонденту Би-Би-Си, журналистам американской *The New York Times*, британской *The Times*, влиятельнейшей французской газеты *Le Monde*, югославского новостного агентства *Tanjug* («Телеграфное агентство новой Югославии») и др. Великобритания и США в принципе не могли направить на процесс официальных наблюдателей. 3 февраля в зале заседаний присутствовал только прибывший из Белграда американский корреспондент *United Press* — тот самый Эдвард М. Корри (1922–2003), который в 1960-е гг. был послом в Эфиопии и Чили⁷. Во второй день процесса — после того как радиостанция «Голос Америки» заявила, что

⁴ Стенограмма свидетельских показаний Д. Дечи, 30 января 1990 г. (MNL OL. XX-10-k. Legfőbb Ügyészség Politikai Osztály. 18.300/1989).

⁵ Телеграмма посла С. Чапина в Государственный департамент США, Будапешт, 3 февраля 1949 г. (Входящие телеграммы, № 165). См.: NARA. RG 59. General Records of the Department of State. Central Decimal File 1945–49. Box 6888. 864.404/2–349; Список иностранных журналистов, допущенных на процесс над Миндсенти (рабочий документ, многие имена вычеркнуты): MNL OL. 276. f. 65/356. ó. e. Belügyminisztérium, Tájékoztatási Főosztály. Fol. 25–26.

⁶ A legszélesebb nemzetközi nyilvánosság előtt tárgyalják Mindszenty bűnperét // Szabad Nép. VII. évf. 27. sz. 1949. II 2. 3. old.

⁷ Телеграмма посла С. Чапина в Государственный департамент США, Будапешт, 5 февраля 1949 г. (Входящие телеграммы, № 196). См.: NARA. RG 59. General Records of the Department of State. Central Decimal File 1945–49. Box 6888. 864.404/2–549.

ей отказали в аккредитации, в зал был допущен корреспондент Си-Би-Эс. Неудивительно, что левая пресса осудила кардинала до вынесения судебного решения. За два дня до оглашения приговора официальная коммунистическая газета *Szabad Nép* (венг. «Свободный народ») в передовой статье обрушила на кардинала поток проклятий: «жалкий червь», «трусливый мерзавец», «наглый Тартюф», который перед судом отказывается от принципов только для того, чтобы спасти свою жалкую жизнь. В вечер оглашения приговора *Magyar Rádió* объявило миру, что кардинал — «кровожадное чудовище»⁸. Радиослушатели, однако, услышали в суде не фанатика Савонаролу, но и не политического преступника. В пропаганде он предстал воплощением непримиримого врага венгерской демократии, агента империализма, который вынужден признать вину под тяжестью предъявленных обвинений. В этой атмосфере общественность ставила под сомнение очевидное и, наоборот, легко верила взятым из воздуха утверждениям.

Обвинения против Йозефа Миндсенти не отличались от тех, которые обычно выдвигались в то время в Восточной и Центральной Европе при желании исключить кого-то из публичного пространства⁹. Из-за антифашистского прошлого примасу нельзя было вменить в вину коллаборационизм, как в случае с Галицким митрополитом Иосифом Слипым (1892–1984) или Загребским архиепископом Алоизием Степинацем (1898–1960). На этот раз ключевым элементом был «легитимизм», что в случае Миндсенти означало не поддержку монархической формы правления вообще, но выступление на стороне Габсбургов¹⁰. Кардинал до самой смерти не отрекался от легитимистских убеждений, не отказался от них и на допросах, что позволило без труда использовать это для обвинения в подготовке государственного переворота. Кардинал признавал, что после подписания в Париже мирного договора (10 февраля 1947 г.) он всерьез размышлял о судьбе страны в случае возникновения политического вакуума. Считалось, что не позднее осени Советская армия покинет Венгрию. Поэтому следователи не сомневались, что поворотным моментом в подготовке «заговора» стали переговоры Миндсенти, побывавшего летом 1947 г. за границей, с кронпринцем Отто фон Габсбургом (1912–2011).

⁸ Донесение Г. Прессмана, переданное агентством Си-Би-Эс 11 февраля 1949 г. из Вены. Приложение к донесению № 97 венского представительства, 17 февраля 1949 г. См.: NARA. RG 59. General Records of the Department of State. Central Decimal File 1945-49. Box 6888. 804.404/2-1749.

⁹ *Baráth M. Soviet counsellors at the Hungarian state security organs // NKVD/KGB activities and its cooperation with other secret services in Central and Eastern Europe 1945-1989 / ed. by A. Grúňová. Bratislava: Ústav Pamäti Národa, 2008. P. 87-99.*

¹⁰ О «планах влиятельных американских кругов и Ватикана по реставрации династии Габсбургов и созданию Дунайской монархической конфедерации» сообщил советскому руководству военнопленный генерал-майор венгерской армии Иштван Уйсаси (1894–1948). См.: Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. / редкол. Т.В. Волокитина, Т.М. Исламов, Г.П. Мурашко (отв. ред.) и др. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 2. 1949–1953. С. 14–15.

Однако легитимистскому заговору грош цена без короны и короля. Миндсенти хотел защитить от новой войны и просоветских правительств свякую венгерскую корону, считавшуюся источником верховной власти и права, поэтому прилагал все усилия к тому, чтобы регалия, хранившаяся, как американский военный трофей, в тайном месте, была передана Ватикану¹¹. Но следствие так истолковало факты и намерения кардинала, как если бы Миндсенти хотел вывезти ее в Рим, чтобы там короновать Отто Габсбурга. В отличие от следственных органов у нас есть все основания верить, что Миндсенти и в голову не могло прийти коронование наследника в Риме, потому что в венгерском историческом конституционном праве коронация за пределами страны в принципе считалась нелегитимной. Для устранения Миндсенти с лихвой хватило бы обвинений в подготовке заговора и измене родине. На этом основании кардинала можно было бы приговорить к смертной казни. Прочие пункты обвинения — шпионаж и валютные спекуляции — не только не подкрепляли, но и снижали доверие к процессу. Но обывателю гораздо понятнее были известные по приключенческим романам «шпионаж», «валютные операции», «спекуляции», чем запутанная история с организацией заговора. Действительно, благодаря широким связям за границей у Миндсенти была иностранная валюта, часть которой он разделил между епископами для приобретения церковного имущества и благотворительной деятельности, другую же его бухгалтер без ведома кардинала передал арестованным по делу, князю Палу Эстерхази (1901–1989) и др.¹²

Большинство доказательств преступной деятельности было взято из писем Миндсенти. Сам обвиняемый на процессе разделил их на три группы: «В первой есть несколько писем, которые были написаны, но не отправлены адресатам. <...> Большая часть, которая действительно была отправлена, <...> имела целью не сокрытие ошибок, или причинение вреда, или очернение, за ними стояло желание оказать помощь; вышло так, что благое, праведное дело делалось неправильными методами. <...> Теперь я жалею, что написал их. <...> Затем, видите ли, была и третья группа, <...> письма, написанные, собственно говоря, в защиту венгерских военнопленных, а также в интересах венгров, депортированных и преследуемых на чехословацкой территории. <...> Я не мог бездействовать, я должен был их написать, и на них мое раскаяние не распространяется, потому что я следовал

¹¹ С 2000 г. корона хранится в купольном зале венгерского парламента в Будапеште. Также см.: *Палфи Г.* Одиннадцать заграничных путешествий святой венгерской короны (1205-1978) // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2019. Т. 14. № 1-2. С. 23-41.

¹² Информация взята из материалов папки, озаглавленной «Главы, просмотренные Белой Ишпанки» и содержащей материалы, не вошедшие в мемуары Миндсенти (пагинация отсутствует). Хранится в Венгерском архиве Фонда Миндсенти. См.: *Magyarországi Mindszenty Alapítvány Levéltára, Mindszenty Archivum, 34. doboz.* «Is-pánky [sic!] Béla által átnézett fejezetek».

своему пасторскому и человеческому долгу»¹³. Даже перед судом Йозеф Миндсенти не отрекался от своей прежней деятельности по защите прав человека, выступал за правду. Как и раньше в таких случаях, он не думал о себе и даже в безнадежной ситуации не отступал от важнейших для него принципов.

Тому, кто в наши дни слушает оригинальные аудиозаписи процесса или листает манипулятивные пропагандистские издания, ясно, что процесс был скандальным. В задаваемых вопросах уже содержался ответ. В ходе любого другого судебного разбирательства адвокат опротестовал бы неприкрытую тенденциозность при первой же попытке судьи задать подобный вопрос. Здесь же председательствующий в суде то и дело повторял: «Не правда ли?» В ответ он ожидал простого утвердительного ответа. Если ему казалось, что признательные показания даются не так, как следовало, он прерывал обвиняемых на полуслове. С особым раздражением он обрывал Ласло Тота, который даже со слуховым аппаратом слышал очень плохо. Судья не раз попадал впросак, беспомощно путался в доказательствах, которые и без того не были достаточно «убедительными». Адвокат кардинала выглядел не лучше. Из реплик следовало, что он переложил защиту на самих обвиняемых. Он не пригласил ни одного свидетеля, заслушать которого всё равно не успели бы, потому что судебный процесс шел со скоростью, никак не соответствовавшей его историческому значению. Получив слово, он тут же заявил, что подзащитный выбрал его кандидатуру добровольно. Слышать такое от адвоката было более чем странно. Он защищал не столько Миндсенти, сколько себя. Пространно рассуждал о своей верности венгерскому правительству, о предполагаемой же невиновности Миндсенти не сказал и двух слов. Третий участник процесса, прокурор, старался заработать «очки» позерством и высокомерием.

По свидетельствам очевидцев, кардинал Миндсенти на процессе выглядел усталым и измученным, но вел себя здраво. На вопросы отвечал с запинкой, но вежливо, и повторял, что вернется на путь истинный. В целом он говорил ясно и логично. С обреченностью человека, который знает, что судьба его предрешена, но в то же время с готовностью вступить в спор. Он последовательно защищал веру, но отнюдь не боролся как лев за лишнюю собственность и привилегий Церковь. Ошеломленная аудитория слушала истории, зафиксированные в протоколах допросов, из уст самого кардинала. «По сути», — он часто пользовался этим выражением — Миндсенти признал себя виновным. От внимательного слушателя, однако, не могло укрыться, что в ответ на серьезные обвинения он ссылаясь на доктрины церкви и вместо признания вины вел речь о раскаянии или сожалел о нарушении государственных законов. На провокационный вопрос: «Являетесь

¹³ Цитируется по аудиозаписи из архива *Magyar Rádió*. См.: *Magyar Rádió hangarchívuma*. «Dr. [sic!] Mindszenty József és társai pere». 6. tekercs. (ок. 47-й мин.).

ли вы сторонником республики?» он ответил не только то, что тут же было опубликовано: «Я хочу быть послушным подданным республики, современного государственного строя Венгрии», — но и следующее: «Я плоть от плоти этой венгерской земли, и у меня в сердце нет места другим обязательствам, если они противоречат моей главной привязанности»¹⁴. Даже на скамье подсудимых он ставил верность родине выше декларируемой в политических заявлениях лояльности республиканской форме государства.

Наблюдатели терялись в догадках в поисках объяснений необычному поведению кардинала: Миндсенти мертв, Миндсенти сгубили в Сибири, Миндсенти вкололи «сыворотку правды». Последнее утверждение живо до сих пор, хотя новейшие исследования не подтверждают применения парализующих волю препаратов. Находясь под арестом, кардинал вел себя совершенно «нормально», хотя порой и наивно. Во время бесед «с глазу на глаз», которые, естественно, прослушивались, он мыслил логически и планировал рассказать на суде о насилии и грубом обращении с ним. Не испугался он и народного прокурора, отказавшись признать себя виновным. Миндсенти неоднократно подавал жалобы, изучал процессуальный кодекс и совершенно не думал о себе. Когда замаячила угроза вынесения смертного приговора, он вновь принялся искать пути спасения, не понимая сути сплетаемых вокруг него интриг. На фотографиях, сделанных во время процесса, у кардинала заметно выпучены глаза. Однако это не признак «ломки», а симптом гипертиреоза (базедовой болезни), которая обострилась в связи с тем, что, как сам Миндсенти пишет в мемуарах, он боялся принимать какие-либо лекарства. Первым о применении наркотических средств заговорил один журналист, когда 4 ноября 1956 г. на пресс-конференции в американском посольстве Миндсенти рассказал, что сторонние наблюдатели решили, будто он находился под воздействием лекарств. «Нет, это были не лекарства, — опроверг домыслы сам кардинал, — просто я провел 29 (ошибка, на самом деле 39. — М. Б.) бессонных ночей и в легких образовались сгустки крови. В книге я дам более подробное описание процесса»¹⁵. Обещанные детали раскрыты в мемуарах, которые увидели свет восемнадцать лет спустя, когда уже сам автор не сомневался, что в пищу подмешивали паралитические и наркотические вещества, и не был полностью уверен только относительно использования наркотиков в последние дни процесса¹⁶. Впрочем, во время работы над мемуарами Миндсенти, скорее всего, уже принял на веру чужие слова.

¹⁴ Mindszenty József a népbíróóság előtt. Budapest: Állami Lapkiadó Kiadása, 1949. 113. old. См. также запись допросов Й. Миндсенти в фондах Звукового архива «Венгерского радио»: Magyar Rádió hangarchívuma. Dr. Mindszenty József és társai pere. 8. tekercs.

¹⁵ Look. 1956. 25 XII. Vol. 20. № 26 (специальный рождественский выпуск). Полный текст интервью см.: Balogh M. Egy amerikai újságíró “interjúja” Mindszenty Józseffel 1956 novemberében // Múltunk. 2011. 56. évf. 2. sz. 201. old.

¹⁶ Mindszenty J. Emlékirataim. Budapest: Helikon Kiadó, 1989. 245., 277., 325., 328. old.

Как можно объяснить произошедшее? Физическими и моральными испытаниями, унижениями, психическим давлением со стороны обвинения, полным душевным коллапсом обвиняемого. Период следствия и судебного разбирательства сыграл важную роль в сломе человеческого достоинства, идентичности и самосознания Миндсенти. Следователи оказались более искусны в подавлении человеческой воли и иных механизмах воздействия на психику, чем любой гипнотерапевт или медикаментозное средство. Ведь для них это было обычным делом, и они прекрасно знали и умели то, что не под силу наркотикам: как можно и нужно в зависимости от типа личности лишать сна, изнурять допросами, угрожать, внушать страх смерти, обрушивать град обвинений, лишать пищи, ломать психику, давать надежду на освобождение, чтобы затем бросить в бездну безысходности. Всё это медленно, но верно вело к коллапсу. При таких методах не были нужны никакие наркотики. За 39 дней пребывания в следственном изоляторе сломался даже Миндсенти. Нескончаемый поток вопросов постепенно притупил его, лишил интереса к жизни, он уже сам начинал «верить» в свою виновность, о чем с поразительной откровенностью написал в мемуарах: «По мере того как уменьшается мое сопротивление, в душе поселяются апатия, паралич и равнодушие. Всё безразлично. Правда становится похожей на ложь. Мир вокруг меня меняется: на вещи я уже смотрю не так, как когда попал сюда. Денно и ночью мне без усталости твердят о моих “преступлениях”. Усталый, обездвиженный, я начинаю верить, что, возможно, я и впрямь преступник. Эту тему так часто разыгрывали передо мной со всё более возрастающей скоростью вращающейся сцены, что в этой детально описанной, ярко сыгранной и живо расцвеченной драме о заговоре я начал уступать им сначала в одном, затем в другом, наконец, во всем. В полной растерянности я чувствую только одно: отсюда не выбраться — и по парализованной нервной системе, по всему телу моего внутреннего человека, в мозг, в душу проникают новые влияния. Они разрушают структуру сознания, обрывают нити силы сопротивления. Память, разум, воля, понимание великих и священных ценностей слабеют, блекнут, едва мерцают»¹⁷. Миндсенти точно описал процесс, «суггестивное состояние», в котором он пребывал практически непрерывно, находясь под постоянным давлением.

Суд признал Йожефа Миндсенти виновным в подготовке заговора, измене родине и валютных спекуляциях. Приговором суда ему было назначено пожизненное тюремное заключение. Прокурор подал апелляцию, требуя смертной казни. Миндсенти предстояло провести еще полгода в неизвестности: останется ли в силе пожизненное заключение или суд второй инстанции приговорит его к смерти? Духовно он уже давно был готов к мученическому подвигу, но никогда еще он не был так близок к смерти.

¹⁷ *Mindszenty J. Emlékirataim.* Budapest: Helikon Kiadó, 1989. 266. old.

ОТ ПРОЦЕССА ДО ПРОЦЕССА

Осужденных доставили в Будапештскую тюрьму. Миндсенти отделили от «простых» заключенных, для него в одном из помещений тюремного госпиталя обустроили «апартамент». Так назвали довольно просторную, меблированную, с удобствами, но холодную и наводненную клопами камеру¹⁸. В журнале сделали интересную запись: «Особое питание с 11 февраля 1949 г.». Трудно поверить, но врагу общества номер один разрешили получать еду не как у всех. Из воспоминаний товарища по заключению Б. Ишпанки известно, что примаса освободили от уборки. Даже — вот настоящая милость! — он мог ежедневно служить мессу¹⁹. Послабления тем не менее не давали забыть о лишении свободы и ограничениях, налагаемых в повседневной жизни.

После суда первой инстанции Миндсенти, казалось, держался бодро. Первым желанием была встреча с адвокатом, чтобы обсудить порядок подачи иска об отмене приговора во Всеенгерском совете народных судов. Кардинал попросил передать ему книгу о валютном праве, «книгу для чтения на венгерском и немецком языках, большую лампу, потому что, по его словам, в камере по вечерам очень темно, наконец, 8–10 обычных сигар», — докладывала охрана²⁰. 12 февраля кардинал предложил министру юстиции Иштвану Рису (1885–1950) сделку: прокурор отзывает иск об отмене приговора, в обмен он отзывает свой иск²¹.

В тот же день кардинал написал Калочайскому и Эгерскому архиепископам письмо, которое газеты без стеснения перепечатали полностью. «Если мы раньше не выбрали вместо борьбы путь примирения, по крайней мере, сейчас я хотел бы помочь делу мира. Сегодня я вижу, что мы смотрели на проблемы только с одной стороны и не пытались понять проблемы венгерской демократии. <...> Со своей стороны, я хотел бы любым доступным способом помочь примирению государства и Церкви», — в очередной и не последний раз подтвердил Миндсенти необходимость переговоров с государством²².

¹⁸ *Farhas V. Nincs méntség. Az ÁVN alezredese voltam, Budapest: Interart Stúdió, 1990. 129. old.*

¹⁹ «С первого дня я ежедневно совершал таинство причастия обычным домашним хлебом и вином». Цит. по: *Mindszenty J. Emlékirataim. 330. old.* Также см.: *Ispánki B. Az évszázad pere. Megszólal a tanú. A Mindszenty-kirakatper ismeretlen adatai. Toronto: Vörösváry, 1987. 251 old.*

²⁰ Донесение о надзоре над Й. Миндсенти, Будапешт, 12 февраля 1949 г. (ÁBTL 3.1.9. V-700/49. Fol. 203).

²¹ Й. Миндсенти — министру юстиции И. Рису, Будапешт, 12 февраля 1949 г. (PL. Processus, 12. d. V-700/33. Fol. 146).

²² Собственноручное письмо Й. Миндсенти — Й. Грёсу, Будапешт, 12 февраля 1949 г. (Kallocsai Főegyházmegeyi Levéltár, I.1.c. Grósz József perszonális iratai: a Grósz-per vissza-szolgáltatótt dokumentumai. 6. dosszié).

Калочайский архиепископ Йозеф Грёс (1887–1961) получил письмо по почте, Эгерскому архиепископу Дюле Цапику (1887–1956) его принесли два детектива, попросившие тут же дать устный ответ, что передать Миндсенти. Что мог на это ответить Цапик? Лишь то, что подобное прошение примас должен подать Святому престолу. Он хотел выиграть время, чтобы проконсультироваться с епископами. Епископская конференция ознакомилась с письмом 18 февраля 1949 г. По мнению Грёса, примас написал письмо потому, что с 26 декабря находился в информационном вакууме и не знал, что последовательная позиция Святого престола заключалась в словах «никаких переговоров». Епископы оказались в ловушке: государство предлагало вступить в переговоры, Миндсенти хотел компромисса, Рим же настаивал на отказе.

25 февраля 1949 г. примаса посетил Бела Виц (1889–1962), будапештский архиепископский викарий. Беседа их, естественно, прослушивалась, поэтому известно, что после исповеди Миндсенти предложил, чтобы побывавшая у него в декабре 1948 г. делегация в составе журналиста Йозефа Кавалльера (1891–1970), композитора Золтана Кодая (1882–1967) и историка Дюлы Секфю (1883–1955) обратилась к правительству с прошением о действиях в «духе примирения»²³, но вместе с тем речь должна была идти обо всех обвиняемых, чтобы «их письмо не выглядело бы односторонним спасением примаса»²⁴. Наедине с собой Миндсенти продумал все возможные стратегии. И предложил простой путь на переговорах с государством: «Во-первых, [нужно] вести переговоры по моему делу», — сказал он и добавил: «Иными словами, вести переговоры можно, только нельзя завершать без согласия Святого престола. <...> Речь о том, что епископская конференция займет мою сторону и заявит, что я не абы кто и епископская конференция считает меня своим членом. Сначала нужно помочь мне, как только я окажусь на свободе, мне будет легче вести переговоры, чем пока я в заключении»²⁵. Кардинал не исключал, что при наличии определенных гарантий отправится в Рим для инициирования переговоров²⁶.

В процессе подготовки к суду второй инстанции Миндсенти предлагал всё новые решения — на этот раз исключительно решения вопроса о соглашении между государством и Католической церковью. Но напрасно он писал, просил, умолял, чтобы его держали в курсе событий, ответа не было. В заточении, не имея информации о том, что происходит на воле, он наблюдал, как епископская конференция уклоняется от переговоров и проявляет

²³ *Csapody M., Szabó R. Két levél Mindszenty Józsefhez 1948-ból // Múltunk. 2013. 58. évf. 2. sz. 224–244. old.*

²⁴ Визит будапештского архиепископского викария Б. Вица в тюрьму к Й. Миндсенти, 25 февраля 1949 г. (ÁBTL 3.1.9. V-700/5. Fol. 159).

²⁵ *Ibid.* Fol. 161–162.

²⁶ *Balogh M. Kardinal József Mindszenty. Ein Leben zwischen kommunistischer Diktatur und Kaltem Krieg. Berlin: Osteuropa-Zentrum Berlin Verlag, 2014.*

нерешительность. Миндсенти был теперь не особенным, а отверженным. Атмосфера вокруг него разрядилась. В ожидании нового суда примас оказался сломлен не в ходе предварительного следствия, но в эти полгода неопределенности и праздного ожидания. Его то охватывал страх смерти, то наступало полное равнодушие к ней, у кардинала началась депрессия, случались нервные срывы. В период между двумя приговорами он написал без малого сто писем разным политикам. В одном, полном глубокого разочарования письме он просил у главы правительства, чтобы тот срочно вынес на рассмотрение Совета министров проект примирения государства и Церкви, и вместо подписи написал: «Тот, кто просит о понимании и сострадании, сегодня не кто иной, как самый жалкий узник страны»²⁷. Он был не только болен душевно, но и ослаб телесно: просил и получил врача, едва мог ходить, постоянно мерз, страдал от ревматизма. На условия содержания Миндсенти пожаловался лишь однажды — когда даже начальник тюрьмы назвал затхлый воздух его камеры «ужасным». Жажда жизни вновь и вновь толкала его на необдуманные поступки: 7 апреля он решил, что подходящим человеком для тайной передачи на волю письма может стать тюремный уборщик, а тот оказался специально внедренным в окружение примаса дознавателем... В письме Миндсенти вновь призывал епископов к решительным действиям в свою защиту.

6 июля кардинала неожиданно навестил руководитель Управления государственной безопасности Габор Петер (1906–1993). От него Миндсенти узнал, что в тот день начался суд второй инстанции. Пришло отрезвление. Он понял, что любые миролюбивые жесты или предложения компромиссов бессмысленны. У него нет шансов на защиту, адвоката к нему не пустили. Подтверждалась его прежняя точка зрения, что вступать в переговоры с диктатурами бессмысленно и преступно. На другой день он написал суду письмо, в котором отказался от всех прежде сделанных признаний: «26 декабря, в день взятия под стражу, я решил, что воспользуюсь правом не свидетельствовать. Я отступил от этого решения. Не по субъективным, но по внешним причинам. Теперь заявляю, что признания и заявления, полученные от меня начиная с 26 декабря, я объявляю не имевшими места»²⁸.

Приговор суда второй инстанции был оглашен 9 июля 1949 г. Из Миндсенти не сделали мученика, не приговорили к смерти, но и о великодушии речи не было: наказание примасу осталось прежним, только другим оно было смягчено. Примечательно, что приговор был подготовлен в двух вариантах с небольшими стилистическими расхождениями. В преамбуле говорилось, что смягчение приговоров стало возможным, поскольку «Дело

²⁷ «Личное» письмо Й. Миндсенти — председателю правительства И. Доби, Будапешт, 14 марта 1949 г., машинопись, без подписи (ÁBTL 3.1.9. V-700/33. Fol. 161).

²⁸ Собственноручное письмо Й. Миндсенти в адрес Всевенгерского совета народных судов, Будапешт, 7 июля 1949 г.: Ibid. Fol. 244. Опубликовано в: A Mindszenty-per / szerk. J. Gergely, L. Izsák. Budapest: Reform Rt., 1989, p. 488 (прим. 415).

Миндсенти потеряло изначальное значение». Это решение, лежащее вне правового поля, весьма красноречиво: у преступления может истечь срок давности, но оно не может потерять значения. Уже исходя из этого, можно сказать, что речь шла не о преступлении, в том числе и по мнению судей. С вступлением приговора в законную силу развеялись надежды на восстановление порядка церковного правления²⁹.

* * *

Миндсенти мог отречься и покинуть страну, но не сделал этого. Потому что только так он мог привлечь внимание мировой общественности к конфликту Церкви и государства в Венгрии, к безнаказанности режима. Ради этого он был готов дать пример нового, длительного мученичества: без славы и без признания. Его патриотизм, верность народу и Церкви не подлежат сомнению. Тем более что за мифом о святом мы видим слабого и колеблющегося человека. Такого, как мы все, совершающие множество ошибок и в исторические моменты, и в повседневной жизни.

От суда зависело очень многое. Прежде всего то, как сложатся после 8 февраля 1949 г. отношения венгерского государства и Католической церкви, как долго сможет удерживать оборонительные позиции Церковь, лишенная своего пастыря, насколько удастся достичь политической цели отстранения католиков от общественной жизни и их изоляции. Суд над Миндсенти дал импульс антицерковной политике режима, которую объясняли тем, что Католическая церковь заигрывает то с фашизмом, то с американским империализмом. Не в последнюю очередь процесс над кардиналом был призван показать, что никакой церковный институт или лицо не в состоянии защитить верующих, клир или самого себя от коммунистической власти, и послужил примером и устрашением для духовенства Венгрии и иных центрально- и восточноевропейских стран. Не менее показательно и частое утверждение, что обвинительный приговор был вынесен не Церкви, но конкретному, «преступному» иерарху. В этом со всей очевидностью проявилась тактика церковной политики коммунистических государств после 1948 г. — стремление расколоть Церковь изнутри, что привело от показательных арестов к организации так называемых движений священников за мир, становившихся орудием кремлевской пропаганды. В дни после суда, 11–12 февраля 1949 г., в Карловых Варах в Чехословакии заседало высшее руководство Коминформа, которое высказалось по процессу над Миндсенти, объявив, что *первая глава борьбы против Церкви закрыта*. Для искоренения остатков влияния Ватикана члены совещания предложили создать независимую от Рима «восточную (т. е. национальную. — М. Б.) Церковь»³⁰. Обвинительный приговор

²⁹ Kähler F. A főcsapás iránya: Esztergom. Mindszenty bíboros pere. Budapest: Magyarországi Mindszenty Alapítvány, 1998.

³⁰ Der Spiegel. 1949. VI 23. Jg. 3. № 7. S. 14–16. Цит. по: Spannenberger N. Hogyan láttak minket Nyugatról? A kelet-közép-európai egyházak a német nyelvű sajtóban // Felekezetek,

кардиналу стал для венгерской многопартийной системы, образно говоря, ударом милосердия. Но в то же время процесс вбил первый гвоздь в гроб коммунизма: те, кто испытывал симпатию к большевизму или склонялся к диалогу с ним, уже не согласились бы идти по этому пути добровольно. Дело Миндсенти подорвало авторитет Венгерской партии трудящихся, а суд над Ласло Райком (1909–1949) окончательно поставил на нем крест. И это при том, что замысел был прямо противоположным³¹.

Казалось, пункты обвинения подтверждали те взгляды на мировую политику, которые повсюду высказывала левая пресса: Ватикан и американские империалисты выступили единым фронтом против коммунизма. На самом же деле Святой престол в полной мере сохранил политическую независимость и свободу действий, в основе его политики лежала оборонительная стратегия противодействия распространению коммунизма, в чем он, естественно, рассчитывал на поддержку Соединенных Штатов. Эта оборонительная политика объяснялась не только влиянием СССР в Европе, но и, едва ли не в той же мере, событиями в Китае, где в конце 1948 г. коммунистические войска Мао Цзэдуна заняли всю Маньчжурию и Восточный Китай, уничтожив китайский католицизм. Рим своевременно встал на сторону Атлантического союза, чтобы защитить христианство, оказавшееся в Европе под угрозой, пусть даже ценой того, что во враждебном лагере его записали в авангард американского империализма.

Наконец, что немаловажно, итогом судебного процесса стало моральное поражение США и Запада, потому что люди, жившие по эту сторону железного занавеса, понимали: никакие декларации прав человека и массовые протесты не помешают властям и далее безнаказанно нарушать свободу вероисповедания, они и далее будут игнорировать общественное мнение, попирали гражданские права и свободы. Миндсенти верил в Америку как в бастион демократии, хотя роль политического оппозиционера он взял не по указке из Вашингтона или Ватикана, как бы ни старался доказать это государственный обвинитель. Венгерское радио передавало не только голоса обвинителей и обвиняемых, кардинал мог слышать бурные, продолжительные аплодисменты венгерского народа, звучавшие на торжественном собрании по случаю завершения процесса. Тоталитарный режим одержал победу, страна надолго, до смерти Сталина весной 1953 г., оцепенела в смертельном страхе.

Перевод с венгерского О.В. Хавановой

---

egyházpolitika, identitás = Konfessie, cirkevna politika, identita / szerk. M. Balogh. Budapest: Kossuth, 2008. 243. old. О роли Коминформа на основании чешских архивных источников одним из первых написал К. Каплан. См.: *Kaplan K. Stát a církev v Československu v letech 1948–1953*. Brno: Doplněk, 1993. S. 23.

³¹ *Стыкалин А.С. Кардинал Миндсенти // Вопросы истории. 2013. № 7. С. 38–58.*

Список сокращений

- ВПТ — Венгерская партия трудящихся
 ПК — Политический комитет
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, Москва
 ÁBTL — Állambiztonsági Szolgálatok Történeti Levéltára, Budapest
 MNL OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest
 NARA — National Archives and Records Administration, College Park, Maryland
 PL — Prímási Levéltár, Esztergom

Литература

- Палфи Г.* Одиннадцать заграничных путешествий святой венгерской короны (1205–1978) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14. № 1–2. С. 23–41.
- Стькалин А. С.* Кардинал Миндсенти // Вопросы истории. 2013. № 7. С. 38–58.
- A Mindszenty-per / szerk. J. Gergely, L. Izsák.* Budapest: Reform Rt., 1989.
- Balogh M.* Egy amerikai újságíró “interjúja” Mindszenty Józseffel 1956 novemberében // *Múltunk*. 2011. LVI. évf. 2. sz. 176–204. old.
- Balogh M.* Kardinal József Mindszenty. Ein Leben zwischen kommunistischer Diktatur und Kaltem Krieg. Berlin: Osteuropa-Zentrum Berlin Verlag, 2014.
- Baráth M.* Soviet counsellors at the Hungarian state security organs // NKVD/KGB activities and its cooperation with other secret services in Central and Eastern Europe 1945–1989 / ed. by A. Grůňová. Bratislava: Ústav Pamäti Národa, 2008. P. 87–99.
- Csapody M., Szabó R.* Két levél Mindszenty Józsefhez 1948-ból // *Múltunk*. 2013. 58. évf. 2. sz. 224–244. old.
- Kahler F.* A főcsapás iránya: Esztergom. Mindszenty bíboros pere. Budapest: Magyarországi Mindszenty Alapítvány, 1998.
- Kaplan K.* Stát a cirkve v Československu v letech 1948–1953. Brno: Doplněk, 1993.
- Spannenberger N.* Hogyan láttak minket Nyugatról? A kelet-közép-európai katolikus egyházak a német nyelvű sajtóban // *Felekezetek, egyházpolitika, identitás = Konfessie, cirkveva politika, identita / szerk. M. Balogh.* Budapest: Kossuth Kiadó, 2008. 239–249. old.

References

- Balogh, M., 2011. Egy amerikai újságíró “interjúja” Mindszenty Józseffel 1956 novemberében. *Múltunk*, LVI, 2, pp. 176–204.
- Balogh, M., 2014. *Kardinal József Mindszenty. Ein Leben zwischen kommunistischer Diktatur und Kaltem Krieg.* Berlin: Osteuropa-Zentrum Berlin Verlag, 2014.

- Baráth, M., 2008. Soviet counsellors at the Hungarian state security organs. In: Grúňová, A., ed., 2008. *NKVD/KGB activities and its cooperation with other secret services in Central and Eastern Europe 1945–1989*. Bratislava: Ústav Pamäti Národa, pp. 87–99.
- Csapody, M., Szabó, R., 2013. Két levél Mindszenty Józsefhez 1948-ból. *Múltunk*, vol. 58, 2, pp. 224–244.
- Gergely, J., Izsák, L., 1989. *A Mindszenty-per*. Budapest: Reform Rt.
- Kahler, F., 1998. *A főcsapás iránya: Esztergom. Mindszenty bíboros pere*. Budapest: Magyarországi Mindszenty Alapítvány.
- Kaplan, K., 1993. *Stát a církev v Československu v letech 1948–1953*. Brno: Doplněk.
- Pálffy, G., 2019. Odinnadtsat' zagranichnykh puteshestvii sviatoi vengerskoi korony (1205–1978) [Eleven travels abroad of the Holy Crown of Hungary (1205–1978)]. *Slavic World in the Third Millennium*, 14, 1–2, pp. 23–41.
- Spannenberger, N., 2008. Hogyan láttak minket Nyugatról? A kelet-közép-európai katolikus egyházak a német nyelvű sajtóban. In: Balogh, M., ed., 2008. *Felekezetek, egyházpolitika, identitás / Konfessie, cirkevna politika, identita*. Budapest: Kossuth Kiadó, pp. 239–249.
- Stykalin, A.S., 2013. Kardinal Mindsenti [Cardinal Mindszenty]. *Voprosy istorii*, 7, pp. 38–58.